

53.3(2)532-8

142

ЦЕНТРАЛЬН

ЛЕЙТЕНАНТ

ШМИДТ

ПИСЬМА - ВОСТОЧНО-ПРИКАСЬЯ -

„НОВАЯ МОСКВА“

1942

ЛЕЙТЕНАНТ

П. П. ШМИДТ

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ

ПО ИСТОРИИ И СТРАШНОМУ ДУХУ АНТИСЕМИТ

1882-24

1882-24

1882

623(2)532-3

142

ЛЕЙТЕНАНТ
П. П. ШМИДТ

11/11/50

1951

1950

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ ВЛ. МАКСАКОВА.

Гос. издательство
ЧИТАЛЬНИЦА
ИЗД. № 6/99

1972

0

1983

Книжный магазин
*1017 1017
*2-1000 1-10-20000

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	V
Лейтенант Шмидт в моих воспоминаниях <i>З. Р.</i>	3
Письма лейтенанта Шмидта к <i>З. И. Р.</i>	67
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
I. Доклад ротмистра Васильева	221
II. Доклад Воронцова на конференции военных и боевых организаций Р. С. Д. Р. П.	235
III. Речь П. П. Шмидта на суде	245

Отпечат. в 15-й тип. «Москаниграф»
«Мысль Печатьника», Петровка, 17,
в количестве 6.000 экземпляров,
Тираж № 622. Москва,

ПРЕДИСЛОВИЕ.

14 ноября 1905 года, в самый разгар севастопольского восстания матросов, на броненосце „Очаков“ появился адмиральский флаг и сигнал: „Командую флотом, Швидт“. Сигнал был встречен восторженно матросами и населением Севастополя. Имя Швидта заставляло многих верить в успех начатого восстания. Во главе восставшего, революционного флота был офицер, завоевавший себе большую популярность в широких кругах севастопольского общества.

П. П. Швидт появился на севастопольском горизонте незадолго до октябрьских дней. В октябрьские дни он обратил на себя внимание, как единственный офицер, появлявшийся на митингах и собраниях и даже выступавший в качестве оратора. Его имя стало известно всему Севастополю и скоро почти всей читающей России после его знаменитой речи у ногам первых жертв октябрьских дней в Севастополе 20 октября. Эта речь, получившая название „Клятвы Швидта“, по словам очевидцев, произнесенная с необыкновенным подъемом, буквально загниотизировала многотысячную толпу, давшую у раскрытых могил жертв революции клятву: „Никогда не уступать никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав“. В тот же день из штаба командующего Черноморским флотом адмирала Чухинна Швидт получил предписание „одеться в полную парадную форму и быть готовым явиться по первому требованию“. 21 октября его арестовали и отправили

под конвоем на корабль „Три Святителя“. Арест высоко поднял престиж Шмидта среди интеллигентских кругов, которым он imponировал и своим происхождением и „широтой взглядов“. Посылались петиции и требования об освобождении Шмидта, резолюции с выражением сочувствия и т. д. Севастопольские рабочие также отдали дань уважения мужественному офицеру - демократу, избрав его пожизненным членом Совета Рабочих Депутатов Севастополя.

Вокруг имени Шмидта сплетались легенды... На него смотрели, как на признанного „вождя революции“.

Шмидт был освобожден из-под ареста 11 ноября, в день, когда стихийно нараставшее движение матросов вспыхнуло открытым мятежом. 13 ноября Шмидт, вопреки требованию Чухнина, выступил на митинге матросов, а 14 ноября принял командование флотом.

Шмидт не был в числе организаторов восстания, он не был даже сторонником его. Он пошел на „Очаков“ по призыву матросов, явившихся к нему ночью 13 ноября за помощью, не веря в успех начатого дела. Пошел, сознавая, что идет на гибель. Сам он таким образом описывает момент своего решения пойти на „Очаков“:

„Бросить несчастных матросов я не мог и я согласился руководить ими только в том случае, если они отбросят все требования, кроме Учредительного Собрания. Поддержку их могла только эскадра, а эскадра далеко еще не была готова к этому. Решено было подождать несколько дней. Но вот 14 ко мне прибегает депутат матросов и еще разные лица с известием, что Чухнин разоружил броненосцы и что казармы, где собралась мятежная команда, окружает артиллерия, чтобы завтра, 15-го, начать бойню. Тогда я совершенно сознавая, что все погубло, решил ехать на „Очаков“, открыто поднять эскадру в защиту казарм“.

Этот момент несколько иначе рисует непосредственный участник восстания И. П. Вороницын, недавно опубликовавший свои воспоминания¹⁾. Он говорит, что к вечеру 13 ноября Шмидт сам запросил Совет Депутатов о том, желательно ли его участие в восстании. Совет с радостью принял это предложение. Единственным условием было поставлено подчинение Совету. И это условие было им безотговорочно принято. Шмидт, по словам Вороницына, был сторонником одновременного восстания по всей России и организуемого революционными партиями и разражающегося по данному сигналу. По поводу севастопольского восстания, вспыхнувшего неожиданно для многих, Шмидт заявил, что оставлять такие стихийные вспышки на произвол судьбы, давать им выливаться в бунт, бессмысленный и потому способный в общем потоке революции сыграть лишь отрицательную роль,—революционные партии не в праве. Но все же, думал он, такие движения нужно стараться приостановить путем компромисса, соглашения с властью.

Повидимому, такой попыткой компромисса, по мнению Вороницына, была посылка известной телеграммы на имя б. царя: „Славный Черноморский флот, храня заветы и преданность царю, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и не повинуется более вашему министру“. Вороницын говорит, что эта телеграмма была послана без ведома Совета.

Но было уже поздно... Все силы реакции были мобилизованы, и революционный флот в ответ на телеграмму к царю был зверски расстрелян.

В 3 часа дня 15-го ноября начался „морской бой“, по официальному выражению, а уже в 4 часа 45 минут все было кончено: царские войска одержали полную победу.

¹⁾ И. П. Вороницын: „Из жизни казери 1905—1917 г.“, Харьков. Державне Видавництво України, 1923 г., стр. 4—5.

„Картина была ужасная, — рассказывает один из участников восстания о моменте боя¹⁾, — под перекрестным оружейным огнем сразу погибло несколько миноносцев и шлюпок. Вскоре запылали „Очаков“. Спасавшиеся в плаву матросы звали о помощи. Их продолжали расстреливать в воде. Лодки, направившиеся спасать их, подвергались расстрелу. Матросы, подплывавшие к берегу, где стояли войска, тут же приканчивались. Спасались только те, которые попадали к сочувствовавшей толпе“.

Другой очевидец пишет об „Очакове“, на котором находился Шмидт: „Гроза бушевала над „Очаковым“. Не только „Ростислав“ перенес на него свой оружейный огонь: его громизы и крепостные батареи и полевая батарея, расположенная на Северной стороне. Несчастный крейсер, лишенный способности маневрировать, сопротивлялся недолго: первые же неприятельские снаряды вызвали на нем пожар. Люди гибли в огне на горящем крейсере, от осколков непрерывно рвавшихся снарядов, а спасавшиеся в плаву или на лодках жестоко расстреливались. Приказ руководившего усмирением известного палача барона Меллер-Закомельского с беспощадностью исполнялся не за страх, а за совесть. Ненавистный красный крейсер еще в течение долгого времени служил мишенью озверевшим палачам, а за тем на бухте все стихло“.

Шмидт, пытавшийся в плаву спастись с горящего „Очакова“, был схвачен вместе со своим 17-летним сыном, и после жестоких издевательств на броненосце „Ростислав“ со стороны своих недавних товарищей-офицеров, был перевезен в крепость „Очаков“, где и был заключен до суда.

С делом Шмидта спешили, как утверждают, по настоянию самого Николая Романова. Еще в декабре морской министр Бирлиев телеграфировал Чухнину: „Сегодня был с докладом у государя, который с недовольным видом спро-

¹⁾ Д. Троицкий В. „1905“. Государственное издательство, стр. 196, 1922 г.

сил меня, почему так долго медлится дело бунтовщика лейтенанта Шмидта и матросов. Поэтому прошу ваше превосходительство принять меры к скорейшей ликвидации этого дела“¹⁾. Через 10 дней Бирлиев снова телеграфирует Чухнину: „Вчера опять после доклада у государя о состоянии Черноморского флота, его императорское величество спросил меня: „Когда наконец будет покончено с этим изменником?“ Еще раз прошу вас поэтому скорее закончить дело“²⁾.

Дело Шмидта, Частина³⁾, Гладкова⁴⁾, Антоненко⁵⁾ и нескольких десятков рядовых матросов выделили из общего процесса о севастопольском восстании и 7-го февраля назначили суд. Суд происходил в крепости „Очаков“ 20 февраля был вынесен приговор, коим Шмидт, вместе с тремя матросами, был приговорен к расстрелу.

¹⁾ Д. Я. Резниког „Лейтенант Шмидт“. Симферополь 1917 г. стр. 25.

²⁾ Там.

³⁾ С. П. Частина, кондуктор (старший баталер), И. П. Вороничев говорит о нем, что „он был душой и истинным героем ноябрьского восстания. Сверхсрочная служба во флоте не убавила в нем того огня, который еще в молодые годы — в начале 90-х годов — загорелся в нем под влиянием революционной пропаганды. Уже десять лет, как я — поклонник свободы“, — сказал он радостно оружившим его матросам, когда все офицеры — кондуктора, верные царской присяге, сбежали с возмущавшегося крейсера. Матросы избрали его командиром корабля. Частина остался с командой на горящем „Очакове“ до конца. В числе последних уцелевших он был снят с горящего судна. И здесь он смело взглянул в лицо палачам. „Теперь вы нас убиваете и судите, подождите, через несколько дней, ну, через год мы с вами будем делать то же, да еще и похуже. Не я, так другие найдутся, которые отомстят за нас“. Последние слова взяты на обвинительного акта по его делу (И. Вороничев „Из врака каторги“, стр. 9—10).

⁴⁾ А. И. Гладков, машинист, до призыва во флот — рабочий, социал-демократ, был всегдашним депутатом матросов. Его команда первая начала открыто волноваться еще 8 ноября. 9 ноября он от имени команды заявил жалобу военно-морскому прокурору на грубое обращение командира и плохую пищу. В дни восстания он был депутатом.

⁵⁾ И. Г. Антоненко, комендор. 13 ноября, когда, покинувшие было крейсер офицеры возвратились снова на борт и потребовали выдачи винтовок, Антоненко первый крикнул: „Оружие не отдавать“.

До 4-го марта ждали помилования в ответ на бесчисленные ходатайства об этом различных общественных групп и организаций. Николай Романов был верен себе, передав разрешение вопроса на усмотрение палача Чухинна, который и утвердил приговор. Характерна резолюция царя на ходатайство о помиловании Шмидта, возбужденное всесклыным в то время С. Ю. Витте. Резолюция эта, собственноручно записанная Витте, сохранилась в его архиве, находящемся в Госархиве Р. С. Ф. С. Р. Витте пишет: „На мою просьбу от 21 февраля не казнить Шмидта, так как он, повидимому, ненормален, последовала 23 февраля резолюция его величества:

„У меня нет ни малейшего сомнения в том, что, если бы Шмидт был душевно-больным, то это было бы установлено судебной медициной“¹⁾.

6-го марта, на рассвете, на острове Березани, вблизи Очакова, Шмидт, Частиж, Гладков и Антоненко были расстреляны.

Как говорят, последние слова Шмидта, обращенные к одному из бывших своих товарищей-офицеров, присутствовавших на расстреле, были:

— Сережа, помни мою просьбу: целйся прямо в сердце.

Публикуемые нами письма Шмидта адресованы З. И. Р. — автору печатаемых в этой же книге воспоминаний о лейтенанте Шмидте. В своих воспоминаниях З. И. Р. подробно рассказывает о случайной 40-минутной встрече со Шмидтом в вагоне железной дороги, повлекшей за собой оживленную переписку и встречи в каземате Очаковской крепости. Переписка началась 24 июля 1905 года и закон-

¹⁾ Гос. Архив Р. С. Ф. С. Р., II отдел. Архив С. Ю. Витте, папка 19, „Всеподданнейшие доклады во время моего пребывания“.

чилась 29 февраля 1906 г. Шмидт писал почти ежедневно, касаясь в своих письмах самых разнообразных вопросов. Огромная часть писем посвящена интимным переживаниям автора, мелочам его повседневной жизни, отвлеченным рассуждениям на общественные и философские темы. Но поскольку речь идет о Шмидте, занимавшем до сих пор особое положение среди деятелей революционного движения недавнего прошлого, — все это интимное, личное приобретает существенное значение. Оно дает ценнейший материал для суждения как о самом Шмидте, так и о характере всего ноябрьского движения в Севастополе, формально возглавлявшегося Шмидтом.

Кем был Шмидт? Представителем какой общественно-политической группы являлся он? Мы уже видели, что в первые дни начавшегося восстания Шмидт был противником „крайних“ требований, выставленных матросами. На собрании Совета Депутатов он решительно отмежевался от социал-демократов, игравших виднейшую роль в ноябрьском движении. Первым актом Шмидта, как адмирала революционного флота, была посылка царю верноподданнейшей телеграммы, в которой автор выступает, как монархист. Его краткие речи перед командами матросов во время восстания начинались и заканчивались лозунгами: „За нами бог, царь и весь русский народ“). Начав восстание, он, по собственному утверждению, взял слово с матросов не проливать ни капли крови. В письмах к З. И. Р. Шмидт не раз затрагивает вопрос о своих политических взглядах. В письме от 5-го сентября 1905 года Шмидт говорит: „Я не монархист, а принадлежу с юных лет к крайней левой нашего грядущего парламента, так как я социал-демократ и всю жизнь свою посвятил пропаганде идей научного социализма“. Свою службу в торговом флоте Шмидт объяснял стремлением „войти в ряды рабочего

²⁾ И. Геленкич: «По-турецки и в эмиграции», Гос. Изд. ПБ, 1923 г.

пролетариата, жить интересами рабочего сословия". Ровно через 6 дней этот „социал-демократ" пишет: „Я вырос под влиянием Михайловского, и этот апостол правды всю жизнь был для меня глубоко чтимым руководителем. Его смерть была для меня горем, хотя и никогда не видел его, а только находился с ним некоторое время в переписке по вопросу „суб'ективного метода в социологии". А через несколько дней, по поводу смерти прис. пов. Куперника и проф. С. Н. Трубецкого, Шмидт, только что признавший своим руководителем Михайловского, пишет: „Движение не создается отдельными центральными личностями. Личности создаются движением. Волна катится могучая, и если сорвется ветром несколько алмазных капель с гребня ее от этого ее бег не приостанавливается и не замедляется".

Весьма любопытно отношение Шмидта к будущей кадетской партии. „Я склонен думать,—пишет он, что деятели—Трубецкой и его партия (зем. и гор. дентели) сыграли свою роль и теперь остались позади движения". „Все что мог, то уже свершила Трубецкой. Его партия, сыгравшая один момент роль лидера движения, должна сойти с круга, так как близок момент, когда координирование социалистических партий с конституционной станет ненужным и невозможным. Социалисты скоро встретят в земской партии одну из самых сильных преград". Однако, наряду с этим в том же письме Шмидт пишет, что „наши социалисты работают вкринь и вкось", что их ошибки непоправимы". И наконец: „Я страдал, и видел ясно лишнюю, ненужную кровь, которая льется от адлетских приемов пропаганды". 30-го октября Шмидт пишет о своем намерении побывать в Москве с целью побывать в „Союзе Союзов" и в... „конституционно-демократической партии". „Если мы с этой партией в аграрном вопросе сойдемся,—пишет он,—то я присоединюсь к ним с той частью социал-демократов и социалистов-революционеров, которых я

теперь имею. (7 В. М.). Я нахожу возможным теперь временно обобщить наши пути. Потом уже после подворения порядка и нового строя, я начну правильную агитацию соединения всех партий социалистов в одну „Великую Российскую Партию Социалистов-Работников". Тверда моя вера в то, что в России социалистический строй не за горами и, может быть, мы еще и доживем до всех признаков переворота, последнего переворота, после которого человечество выйдет на путь бесконечного мирного совершенствования, свободы, благосостояния, счастья и любви.

Вся эта путаница, шарившая в голове Шмидта, ясно показывает, что перед нами типичный буржуазный демократ, сын своей среды и эпохи, очень плохо ориентировавшийся в сложной политической обстановке момента, мятущийся из стороны в сторону, колеблющийся... Грандиозные политические события, развернувшиеся в октябре, захватили Шмидта, и он, в порыве революционного энтузиазма, толкаемый стихией, незаметно для себя, очутился на гребне революционной волны.

„Вождь революции"—без веры в творческие силы революционных масс, революционер, — опасющийся насилия и крови, борец за народовластие,—„хранящий заветы и преданность царю". Таков был Шмидт. Мог ли он победить?..

Шмидт мужественно стал во главе движения, в успех которого он не верил. И здесь, связав свою судьбу с судьбою восставших матросов, честно, до конца исполнил свой революционный долг. Рука об руку с истинными представителями рабочего класса—матросами, он кончил жизнь свою на острове Березани.

И победивший пролетариат не может не склонить своей головы перед могилой мужественного борца.

Письма П. П. Шмидта, публикуемые нами, переданы в настоящее время З. И. Р. на хранение в Государственный архив Р. С. Ф. С. Р. Почти все письма печатаются нами целиком. Лишь в двух—трех письмах сделаны небольшие сокращения по предложению З. И. Р. В этих местах нами поставлены многоточия. По ее же предложению опущены некоторые имена, встречающиеся в письмах. Большинство писем появляется в печати впервые. Отрывки некоторых из них были напечатаны в „Красном Архиве“ № 1, („Из переписки лейтенанта Шмидта“ стр. 344—354). Очень небольшой отрывок из воспоминаний З. И. Р. был напечатан в одной из южных газет и перепечатан в книге „Жизнь лейтенанта Шмидта“, С.-Петербург, 1906.

В приложении мы публикуем три документа: 1) Доклад жандармского ротмистра Васильева о севастопольском восстании; 2) доклад Вороницына о том же; 3) отрывки из речи П. П. Шмидта на суде.

Первый документ извлечен по нашей просьбе А. А. Шиловым из дел департамента полиции, хранящихся в настоящее время в Петроградском Историко-Революционном Архиве, и представляет собой сводку первоначальных донесений о событиях и оценку отдельных моментов восстания. Телеграммы, о которых ротмистр Васильев упоминает в своем докладе, почти все были напечатаны в свое время в периодической печати и впоследствии воспроизведены в книге „Жизнь лейтенанта Шмидта“, 1906 г., почему опубликование их мы считаем излишним. В докладе Васильева совершенно новым является сообщение, что с.-р., начавшие яко бы к 14 ноября иметь успех в матросской среде, „выставили во главу отставного капитана II-го ранга Шмидта“. Никаких данных, подтверждающих это сообщение, не имеется. Повидимому, здесь налицо стремление жандармского ротмистра „углубить“ вину Шмидта, связанного им с партией с.-р.

Одновременно мы публикуем доклад И. Вороницына о севастопольских событиях, сделанный на первой конференции военных и боевых организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, состоявшейся в ноябре 1906 года, и позаимствованный нами из протоколов этой конференции, вышедших в свет в 1906 г. полулегально и, конечно, не получивших широкого распространения. Доклад И. Вороницына представляет большой интерес потому, что автор его принимал активное участие в севастопольском восстании и был даже председателем некоторых заседаний Совета Депутатов в Севастополе, во время восстания. Доклад написан И. Вороницыным в тюрьме (Вороницын по делу о восстании был приговорен к смертной казни, которая была заменена каторжными работами). Необходимо отметить, однако, что с.-д. организации в Севастополе в 1905 году находилась под сильным меньшевистским влиянием¹⁾.

Это, конечно, не могло не отразиться на отношении севастопольской с.-д. организации и самого Вороницына к происходившим событиям. И. Гемонн, бывший также участником событий в Севастополе, говорит, например, следующее:

„Для тактики руководителя движения крайне характерно, что когда на происходивший митинг прибежал матрос с известием об убийстве Штейна и ранении Писаревского, говоривший в это время Вороницын старался ослабить впечатление от выстрела Петрова. Вороницын именно боялся, что подобные „эксцессы“ и „чрезмерный босякизм“ могут нарушить „естественное и планомерное“ нарастание событий, могут вызвать разрывку до того времени, когда организованная и приведенная в стройную систему сила будет на стороне матросов и солдат. Прибли-

¹⁾ См. И. Гемонн „За тюрьмой и в лапах“, стр. 2.

нительно таких же взглядов придерживались и другие руководители^{*)}).

В целях более полного освещения событий в Севастополе и роли П. П. Шмидта мы считали не лишним дать эти оба доклада в приложении.

Речь П. П. Шмидта на суде в свое время была опубликована лишь частично. По цензурным условиям, отдельные места этой речи, конечно, не могли быть воспроизведены в периодической печати. Мы публикуем отрывки этой речи, по копии оригинала, переданного П. П. Шмидтом З. И. Р. Оригинал хранится у сына Шмидта.

В. Мавлова

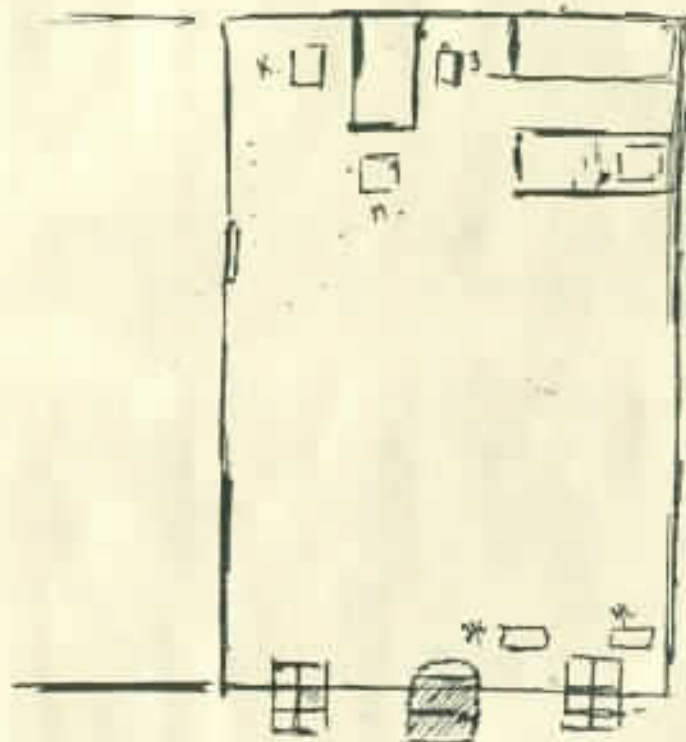
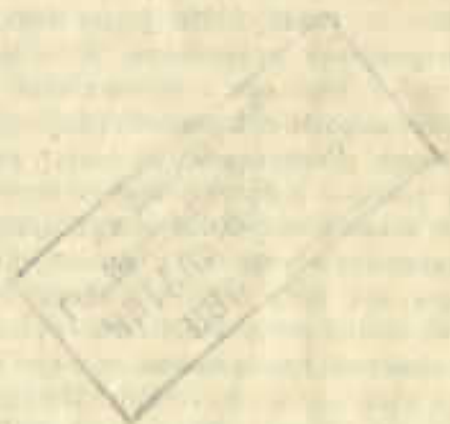
I

З. Р.

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ
В МОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ.

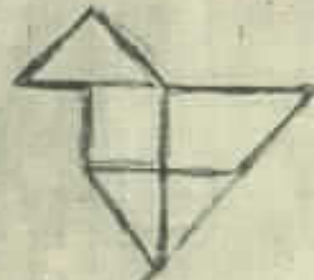
*) П. Гавриил, стр. 9.

страшнее самой смерти. Не горсть матросов, нарушивших дисциплину, чтобы остаться верной присяге и не граждани Шмидт пред вами. Пред вами здесь на скамье подсудимых вся 100 миллионная Россия, ей вы вынесите свой приговор, она ждет вашего решения.

*Каземат Очаковской крепости 15 января 1906 г.
Крепость.*

(Рисунок П. П. Шмидта).

Знамені прокурора
ст. 100^я в. приміщення
его до скарб.

2го 07го поволудом
П. Шендін.

Підписок во время речи прокурора.